

фресокъ, изображающихъ: Аполлона въ Дельфахъ, Ифигенію въ Авлидѣ и амуровъ aurigises. А.

Иліада Гомера. Переводъ Н. М. Минскаго. Москва 1896 (VII + 416 стр.).

Дафнисъ и Хлоя. Древне-греческій романъ Лонгуса. Переводъ Д. С. Мережковскаго. С.-Петербургъ 1896 (160 стр.).

I.

Въ послѣднее время наши стихотворцы и беллетристы все чаще обращаются къ произведеніямъ и сюжетамъ классическимъ — переводятъ античныхъ поэтовъ или подражаютъ имъ. Не говоря о послѣдней эпохѣ въ дѣятельности Фета, какъ уже законченной, мы встрѣчаемъ заново одѣтыми въ русскія ямбы и Ипполита, и Антигону, и даже Прометея. Г. Мережковскій пишетъ романъ изъ римской жизни, а гг. Буренинъ и Суворинъ увлекаются трагическимъ положеніемъ Медеи. Не знаю, чѣмъ объяснить такое оживленное вниманіе къ древней жизни и поэзіи: эстетической ли реакціей послѣднихъ десятилѣтій, косметическимъ эклектизмомъ нашего *fin de siècle*, или понемногу начинаетъ сказываться въ нашемъ обществѣ вліяніе классической школы.

За послѣдніе дни на книжномъ рынкѣ появилось еще два новыхъ перевода съ греческаго: одновременно переведены альфа и омега греческой литературы — г. Минскимъ Иліада и г. Мережковскимъ — пастораль Лонга. Повидимому, цѣль обоихъ переводчиковъ содѣйствовать эстетическому развитію нашего общества, и съ этой точки зрѣнія, кажется мнѣ, всего правильнѣе разсматривать достоинства и недостатки ихъ работъ. Для г. Минскаго Иліада является „совершеннѣйшимъ образцомъ красоты, не какой-либо древне-греческой, а красоты вообще, единственной, какая возможна на землѣ“. Г. Мережковскій ставитъ эпиграфомъ къ своему переводу восторженные слова Гёте, который рекомендуетъ своимъ современникамъ перечитывать разъ въ годъ „Дафниса и Хлою“, чтобы поучаться изъ этой поэмы и вновь чувствовать ея большую красоту“. Для него эта пастораль имѣетъ огромное эстетическое и философское значеніе. Оба переводчика прибавили къ передачѣ текста этюды, гдѣ ихъ эстетическая точка зрѣнія выяснена и обоснована теоретически, и изъ этихъ этюдовъ, а равно изъ самыхъ переводовъ мы усматриваемъ, что ни вопросы текста, ни историческое, національное, бытовое освѣщеніе произведеній не входило въ ихъ задачи. Г. Мережковскій, напр., не говоритъ ни слова о томъ,

какимъ текстомъ Лонга онъ пользовался, и мы не знаемъ даже, съ какого языка переводилъ онъ пресловутую пастораль. Между тѣмъ Гёте, восторги котораго онъ дѣлитъ, вовсе не зналъ текста и читалъ поэму Лонга въ изящнѣйшемъ переводѣ Поля Луи Курье, пропитавшаго вялый разсказъ софиста букетомъ тонкихъ французскихъ духовъ. Г. Минскій, очевидно, вдумывался въ текстъ Гомера и изучалъ его, но къ сожалѣнію, онъ поставилъ внѣ своей задачи передачу эпического стиля Гомера съ его плеоназмами, формулами и постоянными эпитетами, столь характерными для данной эпохи литературнаго развитія. Метафизическая точка зрѣнія отвлекла его вниманіе и отъ вопросовъ гомеровской археологіи, хотя и далеко не бесполезной для эстетика. Объ этомъ можно только пожалѣть: красота Иліады не поблѣднѣла бы отъ болѣе конкретной передачи бытовыхъ представленій ея поэта.

Извѣстная степень наивной условности слога, которая выразилась въ плеоназмахъ и тавтологіяхъ Гомера, должна, конечно, теперь оскорблять насъ эстетически, но, принимая во вниманіе многообразное значеніе Иліады, мы не можемъ не пожалѣть, что новый переводчикъ далеко не вездѣ сохранилъ въ своей работѣ эти характерныя литературныя черты.

Жаль также, что, указывая на недостатки Гнѣдичевскаго перевода, не отмѣтилъ и пренебреженнаго имъ достоинства стараго перевода — вниманія къ эпическому стилю. Напр., Гнѣдичъ вездѣ удерживалъ явленіе такъ называемой палилогіи¹⁾.

Вотъ примѣры спасной палилогіи:

XXIII 641 *οἱ δ' ἄρ' ἔσαν δίδυμοι· ὁ μὲν ἔμπεδον ἠρώχευεν,
ἔμπεδον ἠρώχευ'....*

у г. Минскаго:

Одинъ только правилъ конями,

Не отрываяся, правилъ...

II 870 палилогія въ соединеніи съ хіазмомъ:

*τῶν μὲν ἄρ' Ἀμφίμαχος καὶ Νάστης ἠηροάσθη,
Νάστης Ἀμφίμαχος τε....*

у Гнѣдича палилогія съ хіазмомъ соблюдены:

Амфимахъ и воинственный Настесъ

¹⁾ По этому поводу см. примѣчаніе А. Грузинскаго къ его переводу рѣчи Фр. Миклопича „Изобразительныя средства славянскаго зпоса“ 1895, стр. 9.

Настесъ и тотъ Амфимахъ...

у г. Минскаго одна палилогия, и то частичная, хіазма нѣтъ:

Настесъ надъ ними начальствовалъ съ братомъ своимъ Амфи-
махомъ,

Настесъ и съ нимъ Амфимахъ.

Извѣстную формулу (напр. въ нач. VIII п. и ст. 695 послѣдней):

Ἦὼς μὲν κροκόπεπλος ἐκίδνατο πᾶσαν ἐπ' αἶαν

г. Минскій передаетъ различно: въ первомъ случаѣ:

Въ свѣтлой одеждѣ Заря надо всей распростерлась землею.
во второмъ:

Въ ризахъ шафраннаго цвѣта Заря надъ землею распростерлась.

Постоянный эпитетъ Зевса *τερλικέραυτος* переводится: то громовержець (I 419), то молньелюбивый, молниерадостный (VIII 2), то громолюбивый (XVI 232).

Постоянный эпитетъ Аѣины *γλαυκῶπις* г. Минскій передаетъ синеекая. Это очень украшаетъ образъ Аѣины, но едва ли правильно, въ виду подтвержденнаго раскопками символическаго значенія совы (*γλαύς*). Переводчику извѣстно, конечно, также, что вопросъ о цвѣтовомъ чувствѣ у Гомера выяснилъ слабую эстетическую, а можетъ быть и физиологическую чувствительность къ правой сторонѣ спектра. Откуда взялъ тоже переводчикъ, что *πορφυροῦς* (*πορφυρέην* XVI 391) значитъ лазурный? Не обозначаютъ ли оба свѣтовые эпитета моря *πορφυρέη* и *οἶνοψ*: спокойный, сверкающій?

Передача постоянного эпитета Гектора и случайнаго для Арея *κορυθαίολος* („шлемоблещущій“ у Гвѣдича) — шлемовѣющій сомнительно, особенно если его сопоставить съ признакомъ осы *αἰόλος* — гибкая у г. Минскаго и со словами *αἰολοθόρηξ*, *αἰολομίτρος*. Самое имя Эола едва ли нельзя поставить въ связь съ блестящими мѣдными стѣнами его жилища. Вспомнимъ, какую роль имѣютъ свѣтовые признаки и особенно блескъ во всякомъ эпосѣ, ну хоть бы въ русскомъ и въ финскомъ. Вспомнимъ также, что постоянный эпитетъ нисколько не подчиняется эстетическимъ требованіямъ индивидуальнаго творчества: онъ вовсе не долженъ быть характеренъ и индивидуаленъ, — постоянные эпитеты не образуютъ ни картины, ни системы. Слово вѣять г. Минскій употребляетъ произвольно:

Напр. XIII 805:

ἀμφὶ δὲ οἱ κροτάφοισι φαεινὴ σεῖετο πῆληξ

онъ передаетъ

Шлемъ у него надъ челомъ пламенѣлъ яркомѣдный и вѣялъ вмѣсто: Около его висковъ сотрясался блестящій шлемъ. Да и какъ же можетъ шлемъ вѣять? Вспомнимъ Лермонтовское: Вѣютъ бѣлые султаны.

Живописный эпитетъ Олимпа *πολύπτυχος* (изрытый ущельями, морщинистый) переданъ непонятнымъ словомъ много-дольный (отъ доля или отъ долина?), а *μακρός* неправильно и для слова, и для Олимпа — многоверхій.

Въ воссозданіи внѣшней стороны гомеровской жизни я замѣтилъ нѣсколько неточностей. Герои у г. Минскаго замахиваются копьемъ (XVI 284), повергаютъ дискъ (XXIII 431), и правятъ бигами (XXIII 583); колесница имѣетъ периды, а *κρητήρ* изображается кубкомъ. Едва ли Несторъ угощалъ также своихъ гостей зеленымъ медомъ: *χλωρός* — значитъ свѣжій, молодой.

Неясной представляется намъ и такая обстановка картины:

Пышныя гривы коней вдоль ярма изъ ошейниковъ пали
Наземъ съ обѣихъ сторонъ и черной землей загрязнились.
(XVII 439—440).

Кстати, по поводу слова пышный, въ примѣненіи къ до-спѣхамъ, волосамъ (кудрямъ), гривамъ: злоупотребленіе этимъ словомъ нельзя ставить на счетъ г. Минскаго, оно идетъ еще съ Гнѣдичевскаго перевода. Но мнѣ кажется, что въ примѣненіи къ волосамъ пышный должно обозначать сухой и взбитый, а это совершенно противорѣчитъ тому, что мы знаемъ о прическахъ въ эпоху, воспроизводимую Гомеромъ: волосы тогда, по восточному обычаю, сильно умащались. Развѣ можно назвать пышнымъ гіацинтъ, это поэтическое подобіе головы Одиссея?

Эпитетъ, данный однажды Фракійцамъ (IV 535) *ἀκρόκομοι* переведенъ, по-моему, очень удачно словомъ чубатые, хотя, можетъ быть, здѣсь указывалось не на особый способъ бритья, а на подвязываніе волосъ на макушкѣ, какъ у краснокожихъ въ Сѣверной Америкѣ.

Разсматривать новый переводъ Илиады, относительно вѣрности тексту, задача довольно неблагоприятная, такъ какъ поэма имѣетъ столько обширныхъ и общедоступныхъ комментаріевъ и столько точныхъ прозаическихъ переводовъ на всѣ языки, что возможность болѣе или менѣе значительныхъ ошибокъ почти устранена. Просматривая переводъ г. Минскаго параллельно съ текстомъ, я попалъ только на одну строку (XIII 659), которая была почему-то совсѣмъ невѣрно передана переводчикомъ:

Ποιῆ δ' οὐτις παίδος ἐρίγυετο τεθνηῶτος

...Съ ними шелъ и родитель, рыдая,
Видя, какъ мертвaго сына покинуло жизни дыханье.

Не говоря уже о дыханьѣ жизни, которое покинуло мертвaго, но въ текстѣ нѣтъ ничего подобнаго, а въ переводѣ нѣтъ того, что есть въ текстѣ.

Примѣровъ неточностей можно отмѣтить не мало, какъ во всякомъ стихотворномъ переводѣ, если онъ передаетъ текстъ строка въ строку. Приведу замѣченные мною. Можетъ быть, г. Минскій воспользуется нѣкоторыми изъ нихъ для слѣдующаго изданія своей книги.

Ἄτη переведено: „обида“, а это значитъ „грѣхъ“.

V 445 читаемъ:

Племя безсмертныхъ боговъ и людей, уходящихъ подъ
землю

въ текстѣ: *χαμαὶ ἐρχομένων* = попирающихъ землю.

Одно и тоже слово *ῥόοντο* на разстоянii нѣсколькихъ строкъ (XVIII 411—412; 418) переведено двумя противоположными способами: медленно ковыляли и поспѣшали.

ἀσπερχές вмѣсто неустанно переведено торопливо.

Несторъ, вмѣсто сына, названъ потомкомъ Нелея (X 555).

ἀνήκεστος χόλος (XV 217) переведено непримиримая вражда, вмѣсто неукротимый гнѣвъ, злоба.

Вмѣсто ослѣпить поставлено поразить горемъ (XIV 142):

Темныя воды Стикса въ клятвѣ *ἀ-ἀφατον Στυγὸς ὕδαρ* замѣнены какою-то непреложною водою Стикса (XIV 271).

Слова *ἰπλότα* и *ἰπλόδακος* неточно передаются словомъ возница, которое прилагается и къ Гектору, и къ Нестору (416 стр.), и къ Диомеду (IX 711).

Слово *ἀμήχανος* (XV 14) въ смыслѣ упрямецъ, съ которой сладу нѣтъ (ср. французское *difficile* — на которую невозможно угодить) — такъ Зевсъ величаетъ Геру — г. Минскій совершенно произвольно передаетъ словомъ несчастная.

Аэину переводчикъ заставляяетъ обращаться къ Арею со слѣдующимъ вздоромъ:

Весь человѣческiй родъ невозможно отъ смерти избавить.

Между тѣмъ въ текстѣ идетъ рѣчь о томъ, что отцы не могутъ расчитывать на то, что у нихъ всѣ сыновья останутся въ живыхъ: *γενεήν τε τόχοντε* (XV 141).

Отъ неточности иногда страдаетъ и картинность изображенiя; напр. XIII 672—3:

Ἴλιος αἰπεινή.

νῦν ὄλετο πᾶσα κατ' ἀκρῆς

По - латыни (также terminus a quo): perit tota a culmine Pios alta; у насъ (terminus ad quem): высокая Троя гибнетъ до основанія. У г. Минскаго:

нынѣ высокая Троя

къ гибели мчится стремглавъ.

Слово *χερσίδερος* (опредѣленный Зевсомъ вѣтеръ) названъ рѣшающимъ (XIV 19).

Слова *φοβεῖν* и *φοβεῖσθαι*, какъ извѣстно, у Гомера еще не значатъ пугать и бояться, а лишь гнать и бѣжать; этого г. Минскій не принялъ въ расчетъ (XV 4, 15, 91, passim).

Даже въ введеніи, гдѣ г. Минскій даетъ образцы своего перевода, указывая на его преимущество передъ Гнѣдичевскимъ, въ смыслѣ точности, попадаютъся промахи.

Прекрасная Гнѣдичевская передача *ἐλέησε νοήσας* — умилился душевно, почему-то забракована г. Минскимъ, а взамѣнъ онъ рекомендуетъ: пожалѣлъ, глядя на нее. Но развѣ *νοεῖν* значить глядѣть?

Знаменитый стихъ VI 448:

Ἐσβεται ἡμαρ δι' αὖ ποτ' ὀλώλη Ἴλιος ἱρή

переводится г. Минскимъ такъ:

Будетъ когда-либо день и погибнетъ священная Троя
у Гнѣдича же переведено:

Будетъ нѣкогда день и погибнетъ священная Троя.

Если уже нападать на какое-нибудь русское слово въ Гнѣдичевскомъ переводѣ, то конечно на слово священная, потому что *ἱρή* здѣсь означаетъ цвѣтущая. Но г. Минскій нападаетъ на слово нѣкогда и при этомъ замѣчаетъ, что это слово относится только къ прошедшему времени. Но мы должны замѣтить ему, что зато когда-либо непременно обозначаетъ выборъ и значить когда угодно. Вспомнимъ лѣтописное „Гдѣ крещеніе приемлемъ? — Гдѣ ти любо“. Здѣсь всего умѣстнѣе было-бы когда-нибудь (*αὖ* = ии.). Этимологически же нѣкогда — не вѣсть когда у Гнѣдича совершенно на своемъ мѣстѣ.

Переводчикъ допускалъ для пополненія стиха вставки „безразличныхъ словъ: это вполне естественно, но, къ сожалѣнію, слова оказывались при этомъ не всегда безразличными. Слова удалой, рѣзвый, лихой не имѣютъ у Гомера параллелей, и врядъ ли удачно названъ у г. Минскаго Діомедъ — лихимъ, а троянскіе наѣздники — рѣзвыми.

Иногда прибавка слова сообщаетъ картинѣ какія-то странныя черты *fin de siècle*; напр. XXIII 555—6:

Такъ онъ сказалъ. Усмѣхнулся проворный Ахиллъ бого-равный

Гнѣвомъ его восхищенъ.

Можно подумать, что рѣчь идетъ не объ эпическомъ героѣ, а о какомъ-то amateur des âmes, но дѣло въ томъ, что слова гнѣвомъ у Гомера вовсе нѣтъ.

Нельзя одобрить и новыхъ плеоназмовъ, возникающихъ вслѣдствіе вставки различныхъ словъ: скорѣй порывалось въ сраженіе (XIII 253); не въ лѣнивомъ затишьѣ сраженія (XV 741).

Въ употребленіи словъ, обозначающихъ душевное качество или отношеніе поэта къ лицу, неточность или неумѣстность бываетъ особенно чувствительна:

Въ XXIV 632 г. Минскій *ἀγαθὴν ὄψιν* Приама передаетъ кроткимъ лицомъ. Не лучше ли подчеркнуть благородство (ср. Аутенрита s. v.)?

Елена называется *δριγδαρή* (XIX 325) т.-е ужасная, horrenda, а г. Минскій пишетъ презрѣнная.

Красивый синтаксическій *ὄξυμορον* Гомера (XXI 96):

ὄς τοι ἑταῖρον ἔλεφεν ἐνήέα τε κρατερὸν τε

переданъ у г. Минскаго слѣдующимъ образомъ:

Онъ же убилъ твоего удалого и нѣжнаго друга.

Едва ли можно сказать также, что Олимпіецъ вдохнулъ въ коней Пелида благородную силу (*μέρος ἦν* XVII 456): рѣчь идетъ о внезапно пробудившейся энергіи.

XVII 388 читаемъ:

Надъ благороднымъ слугой быстроногаго внука Эака; у Гомера: *ἀγαθὸν θεράποντα*. Но дѣло въ томъ, что *θεράπων* въ Иліадѣ значитъ не слуга, а только возница. Въ данномъ мѣствѣ рѣчь идетъ о Патроклѣ.

Неумѣстными кажутся мнѣ прилагательныя: любезный, милѣйшій, милovidный въ слѣдующихъ примѣрахъ:

Такъ погибай же, любезный! (XXI 106).

Не объявила, что долженъ милѣйшій товарищъ погибнуть (XVII 411).

Лобъ... милovidный (*χαρίεν... πρόσωπον*) XVIII 24.

Помимо правильности и точности, переводъ долженъ быть, конечно, ясенъ; между тѣмъ у г. Минскаго къ сожалѣнію встрѣчаются фразы мало вразумительныя:

1) Нынѣ мной Зевсъ пренебрегъ, исполняя желанье Фетиды,

Той, что колѣни сжимала, касаясь рукой подбородка (VIII 370—1).

Кто кому и зачѣмъ сжимаетъ колѣни?

2) Пусть онъ въ игралище псовъ обратится на полъ сраженья,

Кто пожелаетъ въ сей день своевольно остаться внѣ боя

3) Съ радостью тотъ, полагаю, колѣни согнетъ, кто
вернется

Нынѣ изъ гибельной битвы, предъ нашимъ копьемъ убѣгая
(XIX 72).

4) ... заманивалъ мужа все дальше
И распаялъ въ немъ надежду, что скоро имъ будетъ достигнутъ (XXI 604—5)

Высокій стиль, который у Гнѣдича развился подѣ влияніемъ близкаго ему языка церковно-славянскихъ памятниковъ и органически вошелъ въ его эстетическое міросозерцаніе, являясь для него естественнымъ выраженіемъ высокихъ мыслей и благородныхъ душевныхъ движеній, для современнаго переводчика, и въ частности для г. Минскаго, является элементомъ случайнымъ, наноснымъ. Въ новомъ переводѣ Иліады это проявляется въ видѣ диссонансовъ отъ сосѣдства выраженій высокаго стиля съ вульгарнымъ, или вообще отъ неудачнаго приѣмленія славянизмовъ.

Шумно тотъ грохнулся въ прахъ (XVI 401).

Ибо не въ маломъ числѣ аргивяне въ тотъ день и троянцы
Въ землю уткнулись лицомъ, *распростерты* другъ подлѣ
друга (IV 543).

И полетѣло полвойска въ *сребристо-пучинную* рѣку (XXI 8).
А Афродита богиня, съ улыбкой *сѣдалише* взявши (*δίφρος*).
III 424.

Онъ, кто донынѣ *низринулъ* вѣнцы съ городовъ уже многихъ,
Да и сломаетъ еще, *ибо* сила его безпредѣльна (XX 24—25).
Шлемъ на его головѣ *оглушительно* звякнулъ (XV 648).
Вкругъ себя бушевалъ онъ съ копьемъ заостреннымъ (XI 180).
Пусть спокойно

Мчится къ погибели (IX 376—7).

Они разно вопили

Всѣ на другихъ языкахъ (IV 438).

Присядь на сѣдалище это (VI 354).

Можно ли узнать въ оросителѣ земли — *ὄχρητος* (XXI 267)
простого грабара, копача?

Очень неудачно у г. Минскаго вышло и изображеніе божественной ироніи:

Боги, какъ ловокъ *сей мужъ!* Какъ легко онъ кувыркнулся
наземь.

Изъ особенностей языка г. Минскаго я замѣтилъ, что онъ не

допускаетъ обычной въ рѣчи замѣны мѣстоименія которыя словомъ что и вездѣ ставить кто:

Гектора, кто налеталъ неустанный (XIII 688).

Не осудила бѣ Аѣина, кто въ бой подстрекаетъ героевъ
(XIII 127).

Затѣмъ слово сынъ онъ часто замѣняетъ словомъ дитя (про Аякса, Одиссея, Ферекла):

у палатки Аякса, дитятя и царя Теламона (XI 7).

Неудачными кажутся мнѣ слѣдующія формы, слова и выраженія: доятъ молоко (IV 434), болтливыя рѣчи (XXIII 478), раздѣвъ боевые доспѣхи (XXIII 26), заступиться за тѣло (V 21), постыдное племя (II 235), обманчивъ словообильный (XXII 281), съ войскомъ враждебныхъ мужей состязаясь (IX 327).

Изъ провинциализмовъ и простонародныхъ формъ я замѣтилъ слѣдующіе: отары (XVIII 528), чубатые (см. выше), въ петли... свѣтей заберущихъ (V 487), не наплодили черву (XIX 26).

Необычными показались мнѣ: обоудо-хромой, обоудо-косматый, послѣдне-рожденный, однолезвенный, бахромистый, тучемрачитель.

Необычное удареніе отмѣтилъ я въ словахъ: внѣмля, ячмѣнемъ, лѣря, ступни.

Стихъ г. Минскаго, по-моему, уступаетъ Гвѣдичевскому. Если онъ и не допускаетъ (почему-то) хорей въ первой стопѣ, то стихи безъ цезуры у него попадаютъ, напр.:

Такъ синеокая молвила и удалилась Аѣина (стр. 70).

Нельзя одобрить и въ тезисѣ дактиля слова въ родѣ быстрымъ.

Слова *но, не, и, а* въ арзисѣ звучать дико:

Не восхваляй меня слишкомъ, и не порицай, сынъ Тидея
(158).

Непріятно звучить и стеченіе пяти согласныхъ:

Тутъ же Патроклъ въ другомъ легъ концѣ...

Въ заключеніе мнѣ остается сказать, что въ переводѣ есть очень хорошія мѣста (въ повѣствовательной части поэмы) и что самъ г. Минскій во введеніи объясняетъ, что онъ далекъ отъ признанія своего перевода классическимъ.

Обратимся къ г. Мережковскому.

И. Анненскій.